

Война за мир

Автор:

Алексей Жидков

Война за мир

Алексей Антонович Жидков

Глупцы и герои #2

– Но смерть – это не страшно. Это как сон. Сладкий сон. Больше не надо будет бороться и терпеть. Ты сможешь отдыхать. – Но я не хочу спать. Я хочу сражаться! Я хочу победить!.. Что остается, если всех родителей и братьев убили, а нас взяли в плен? Мы всего лишь девочки-подростки – одинокие сироты, на которых хозяева ставят свои жуткие эксперименты. Они делают из нас убийц и террористов, не понимая, что мы все еще дети. Но это отнюдь не их главная ошибка. Мы лучше умрем, чем подчинимся – вот в чем их основной промах. И он будет стоить им жизни! Все методы и средства хороши: кровь, смерть, боль – ВСЕ во имя мести... и ради мира! Вторая книга из цикла «Глупцы и герои» познакомит нас с новой надеждой, благодаря которой человечество, возможно, сможет заявить о себе на всю вселенную. Вместо того, чтоб убегать и прятаться, они лезут на рожон, идут на смерть... и только время покажет, кто они – глупцы или герои?

Алексей Жидков

Война за мир

Пролог

– Что с Карэном не знаю, но Стас с Егором еще точно в бою. Правда, они абсолютно неуправляемы. На своих нападают с такой же яростью, что и на чужих. Мы несем потери.

Курьер с трудом, сквозь сильную отдышку, выговаривал слово за словом. Ему приходилось докладывать на ходу, что еще больше усложняло задачу.

Операция по захвату пункта управления межзвёздной космической лаборатории длилась уже несколько часов. Устройств связи у повстанцев не было, поэтому приходилось гонять курьеров. Они еще держались, но было заметно, что их состояние ухудшалось с каждой минутой. Спонтанные физические нагрузки без сопровождения блокираторов приводили к повышенной выработке фермента, что тут же давало о себе знать.

– Без потерь нам некуда, Илья. Никак без них. Стаса с Егором уже можно туда записывать – вот только они пока еще работают и являются нашим основным оружием. Что с противником?

Худой невысокий парень по имени Бернар Джой, в окружении десяти других мужчин и женщин, быстрым шагом шел следом за курьером по темным, узким и извилистым коридорам, в которых сейчас работало только аварийное освещение. Недавно ему исполнился тридцать один год, но выглядел он на все пятьдесят. Таковы были суровые последствия экспериментов, которым их подвергали захватчики.

Бернар разработал и контролировал ход повстанческой операции. И именно на его плечи ложился груз ответственности за погибших. Но никакого сожаления не было – ведь он знал – если они сегодня не сделают глупость, и не погибнут как герои, то завтра просто вымрут, не оказав никакого сопротивления.

– Почти все вульфонды заперлись в своих норах, – уже более уверенно отвечал курьер. – Туда нам пути нет. Проход открыт только к пункту управления. Там три лаборанта. Они не вооружены. Карэн их немного потрепал, даже ранил кого-то. Сейчас до них уже должны добраться Стас с Егором, их ведут Алана и Лена...

– А остальные? – перебил его Бернар.

– Остальные погибли... в основном от рук Карэна, Стаса и Егора. Как только они приняли препарат, то сначала набросились на лаборантов, но почти сразу переключились на людей. Я же говорю – они обезумели. Лаборантам почти удалось скрыться и забаррикадироваться в помещении пункта управления. Семен погнался за ними, а преследуя его, туда же побежал и Карен. Увидев это остальные стали собой заманивать в пункт управления Стаса и Егора. В общем, там сейчас уже должна быть мясорубка, – только он это сказал, как вся делегация завернула за угол и перед ними предстала ужасная картина – вдоль длинного коридора лежали бездыханные, истерзанные тела их товарищей.

Но курьер не остановился, он наоборот прибавил шаг и тут же перешёл на бег. Его целью была полностью прозрачная большая дверь, за которой располагался пункт управления. Он подбежал к ней, и уж было протянул руку, чтобы ее открыть, но его схватил сзади и резко отдернул Бернар.

– Стой! – сказал он. – Мы сейчас только помешаем. Спасать там уже некого.

И вправду, заглянув внутрь, курьер увидел тела своих товарищей – почти всей оставшейся группы захвата, кроме тех, кто принял препарат. Но смерть настигла не только людей – прямо перед входом лежало растерзанное худое тело одного из лаборантов в желто-коричневой мантии. Из нескольких рваных ран все еще текла черная, густая кровь.

Неподалеку лежал Карэн. Он был еще жив, но абсолютно обессилен. С трудом передвигаясь ползком, он упорно пытался добраться до своей следующей жертвы. Его глаза светились рубиновым цветом – в них не осталось ни капли сознания, лишь ярость и ненависть ко всему, что движется, ко всем, до кого можно дотянуться и уничтожить. Все свои последние силы он тратил на то, чтобы добраться до места схватки. Туда, где, принявшие препарат, Стас и Егор, с такими же рубиновыми глазами, сцепились с оставшимися лаборантами.

Пункт управления представлял собой просторное помещение с огромными проекционными экранами. Вдоль одной стены шел ряд стульев и кресел, поднимающихся вверх, как в амфитеатре – там сейчас и завязался бой. Лаборанты не имели военной подготовки и модификаций, но ростом были почти в два раза выше нападавших, поэтому, хоть и с трудом, но отбивались от обезумевших заключенных. У нападавших же, хоть и было преимущество в силе, полученное благодаря принятому препарату, но из-за него же они не могли мыслить рационально и организовать скоординированную атаку. Лаборанты,

зажатые в угол и находящиеся на возвышенности, просто не давали подойти к себе на близкое расстояние.

Но вдруг, один из них споткнулся и упал – оба нападающих набросились на него разом и стали избивать, нанося хаотичные удары. Второй лаборант, воспользовавшись ситуацией, лишь отскочил в сторону, не оказав помощи своему коллеге. А Егор со Стасом тем временем беспрепятственно разделались со своей жертвой.

Казалось бы, что вот сейчас закончив с одним, они оба вмиг повергнут второго противника, но вместо этого они сцепились друг с другом. А, с трудом передвигающийся, Карэн увидел новую цель – людей за прозрачной входной дверью.

– Они убьют друг друга, – услышал Бернар женский голос за своей спиной.

– Мы должны их спасти, – раздался второй голос.

Тем временем Карэн уже подполз к двери, но, естественно, открыть ее не мог – просто не мог сообразить, как это сделать. Он был совсем близко, его рубиновые глаза обезумевшим взглядом уставились на товарищей.

– Мы должны помочь ему, – сзади уже кто-то рыдал. Кажется, это была Фабия – жена Карэна.

Но, как будто услышав ее слова, Карэн оскалил рот и стал неистово бить по прозрачной преграде руками, размазывая по ней кровь. Он рычал и пытался пробиться. Даже в обессиленном состоянии, его удары сотрясали толстую, прочную дверь. Всем было абсолютно ясно – попытайтесь они помочь, их просто убьют.

– Мы не можем, – грустно сказал Бернар. – Они все равно не переживут действие препарата.

– И сколько им осталось? – спросил курьер.

– Совсем не много, минут десять – пятнадцать. Так что последнего лаборанта нам придется нейтрализовать самостоятельно. Илья, оповести остальные группы – пусть все взрослые выдвигаются сюда. Детей оставьте в спальном отделении. Мы захватим, и будем удерживать пункт управления, сколько сможем...

– И живыми вряд ли его покинем, – очень тихо, так, чтоб слышал только Бернар, сказала подошедшая к двери девушка по имени Василиса.

С грустью наблюдая за мучениями своих товарищей, она, как правая рука Бернара и его жена, понимала, что так все и должно быть.

– Мы можем еще раз использовать препарат, – сказала она мужу.

– Нет необходимости, справимся и без него. Уж очень большую неопределенность он вносит. Нас будет около сорока человек, против одного безоружного, напуганного лаборанта – у нас все получится. Он не сможет подавить всех.

* * *

– Вон он, забился в дальний угол. Ждет, пока его спасут. Чтобы этого не допустить, нужно действовать прямо сейчас. Нападаем тремя группами и очень быстро, чтобы оставить ему как можно меньше времени на защиту. Все вооружились?

Бернар обвел взглядом свое войско. Тридцать шесть мужчин и женщин стояли вокруг него, решительно сжимая в своих руках детали мебели и прочий хлам, который они гордо называли оружием.

– Сначала пытаемся его закидать. Возьмите с собой как можно больше дисков, – Бернар кивнул в сторону небольшой гравиплатформы, доверху набитой атлетическими дисками от штанг и гантелей. – Может у кого-нибудь и получится попасть в голову. В любом случае нам это не навредит.

– Заходим тремя группами и сразу разбегаемся по сторонам, рассредоточиваясь по помещению. Стараемся нападать одновременно со всех сторон. Кидаем диски, вступаем в ближний бой как можно быстрее. Надо огорошить его. Они

почти как люди – так же боятся, так же паникуют, так же ошибаются. Это просто оператор-лаборант, он не боец и не умеет воевать, у нас все получится. Готовы?

Группы выстроились в длинные шеренги, чтобы одновременно заходить в помещение.

– Пошли! – крикнул Бернар и со всей силой вдавил рычаг открытия двери. Прозрачные створки моментально разъехались в стороны и люди, подбадривая себя криками, рванули внутрь.

Лаборант спрятался за сиденьями в самом высоком ряду амфитиатра. Всего их было три – они возвышались вверх ступенями, каждая из которых достигала в высоту почти половину человеческого роста, поэтому забираться на них казалось не так уж и просто. Но до амфитеатра еще стоило добраться.

Кто-то из бойцов кинул диск почти сразу, как вошел в помещение. Но не докинул его даже до второй ступени. Остальные, оценив ситуация, приберегали метательные снаряды, стараясь подойти ближе.

Почти все нападающие громко кричали, подбадривая себя и пугая противника. Командовать в этом шуме было невозможно – да и бессмысленно – все и так знали, что делать.

Добраться до первого ряда амфитеатра сумели не все. Впереди идущие бойцы центральной группы, один за другим, начали спотыкаться и падать, хватаясь за шею, глаза и уши – как и ожидалось, враг предпринял ментальную атаку.

Насколько люди успели понять ситуацию за время своего заключения – человеческая особь представляет интерес для захватчиков в плане ее ментального развития. Нет, нельзя сказать, что оно очень высокое – практически любая из основных рас во вселенной имеет более высокий уровень ментального сопротивления. Но у них он нарабатывался миллиарды лет и в основном искусственным путем за счет специальных тренировок и препаратов. Люди же имели очень высокий естественный ментальный уровень. Для захватчиков – это был весьма интересный материал для изучения.

Нападавшие знали, что их, ослабленного экспериментами, ментального уровня недостаточно для оказания сопротивления даже простому вульфонду-

лаборанту, но понимали, что тот не сможет атаковать сразу всех. Громко крича, они пытались рассредоточить его внимание, но это не сильно-то и получалось. Ментальные атаки вульфонда достигали своей цели, и люди один за другим падали на землю, корчась в муках. Их подчиненный мозг, делал все, чтобы остановить нападение своего носителя – в том числе убивал сам себя.

Но две оставшиеся группы уже подошли к первой ступени и начали забрасывать лаборанта своими импровизированными метательными снарядами, которые хоть и не часто, но попадали в цель. Несмотря на то, что лаборант частично спрятался за сиденьями, попасть в, хоть и худого, но трехметрового исполина было вполне возможно. От жесткого натиска он сломался и прекратил ментальную атаку – она все же требовала какой-никакой концентрации. Теперь он мог обороняться только врукопашную, а первые нападавшие уже взбирались на вторую ступень.

Взобраться на третью ступень было не так-то просто. Лаборант вырвал одно из сидений и, усиленно размахивая им, пресекал все попытки. Но нападение не останавливалось. Бойцы лезли вверх. Некоторые были сбиты мощными ударами и без чувств сваливались к подножью амфитеатра, но остальные прорывались и забирались наверх.

Подойти близко к трехметровому противнику было сложно, поэтому люди начали закидывать его дисками и своим импровизированным оружием. Это действовало лучше, но все равно не могло окончательно сломить врага. Победить его удалось только используя его же оружие – вырвав несколько стульев, люди, используя их как щиты, оттеснили лаборанта в угол, ограничив его движения, и там уже набросились разом, нанося удары всем, что подвернется под руку.

Озлобленная волна человеческой ненависти затопила и уничтожила своего врага. Того самого врага, который захватил их в плен, заточил в ужасную тюрьму и ставил над ними чудовищные эксперименты. А самое главное, что не только над ними, но и над их детьми. Маленьких, ни в чем не повинных мальчишек и девчонок, превращали во что-то ужасное, мучая и издеваясь над ними.

Этот бунт являлся последним шансом для их детей – хотя, если честно, и в этот шанс никто не верил, но просто умереть, бездействуя, они не могли – нужно было хоть попытаться.

И можно сказать, что попытка почти удалась. Чередуюсь с десятком человеческих тел, в помещении пункта управления лежало три тела противника – это капля в море, все выходы заблокированы и никто, все равно, не сможет покинуть лабораторию, но это победа – первая победа человека. Теперь надо готовиться ко второй битве, и, за как можно большую цену, отдать свои жизни, защищая захваченное помещение.

– Все, кто может, – кричал через глубокую отдышку Бернар, – вырываем стулья, переворачиваем столы, делаем как можно более укрепленные баррикады перед входом. За работу, ребят, за работу...

И раненные, обессиленные бойцы, вставали и, не глядя на своих убитых товарищей, друзей, любимых принимались за работу, укрепляя свою последнюю линию фронта, свой последний оборонительный рубеж, то место, которое они выбрали для смертельного боя, чтобы доказать своим захватчикам, что люди не сдаются и никогда не сдадутся. Чтобы показать своим детям, что они умерли, не смиряясь со своей судьбой, а сопротивляясь до последнего.

* * *

– Они не придут, Бернар, – Василиса вытирала пот с лица мужа, голова которого лежала на ее коленях.

С момента захвата пункта управления прошло более сорока часов, но никто даже не пытался их атаковать. Разведав помещения лаборатории, люди выяснили, что теперь закрыты не только все производственные отсеки, но и детские спальни. Теперь они даже не имели возможности повидаться с детьми.

А их тела все слабели и слабели. В результате ставящихся на них экспериментов, они подверглись незначительному видоизменению, вследствие чего, для поддержания жизни, чтобы собственная иммунная система организма их не убила, требовался постоянный прием блокаторов, которых у них не было.

Тела убитых товарищей сложили у экранов наблюдения. Оплакивать их не было ни времени, ни сил. Да и все прекрасно знали, что очень скоро присоединятся к ним. Оставшиеся в живых расположились вдоль шестиметровой баррикады на

входе в помещение. Сил стоять на ногах уже ни у кого не было. Обороняющиеся либо сидели, облокотившись на свои укрепления, либо лежали, пытаясь сохранить силы до нападения.

Но обороняться было не от кого, атаковать их никто даже не собрался. Очевидно, предприимчивые захватчики решили просто выждать, пока их неудачливые бунтари просто не помрут от голода и отравления организма.

И эта тактика работала. Несколько человек уже лежало без сознания, кто-то бредил, бормоча что-то нечленораздельное.

– Илья, Агафон и Влад мертвы, – доложил с трудом подошедший к Бернару боец. Вернуться на свою позицию у него не было сил, и он тут же сел отдохнуть, опершись на баррикаду.

– Они были курьерами, – сказала Василиса, – больше всех потратили сил – поэтому они первые. Но другим недолго осталось ждать. Наш бунт окончен. Мы все же умрем не в бою...

– Не скажи, – с трудом выговаривая слова, перебил ее Бернар. – Это и есть бой. Мы уничтожили противника, мы нанесли врагу материальный ущерб и самое главное мы безвозвратно уничтожили трехлетний материал исследований. Это спутает им карты. Мы сделали свое дело, свой бой мы выиграли. Если кто-нибудь подхватит наше начинание, то человечество обязательно выживет – я верю в это, как и в то, что наши дети будут жить, и не будут служить этим гадам – не будут никому служить – только себе, только человечеству.

– Но ведь они такие маленькие, – слезы навернулись на глазах Василисы. – Как они смогут этому противостоять? Как они будут жить без нас? В этом... в этом... в этом кошмаре. Что с ними будет? В кого их превратят?

– Мы правильно их воспитали, – успокаивал жену Бернар, слова давались все труднее и труднее – язык опух, во рту пересохло, перед глазами уже опускалась пелена. – Они смогут все вытерпеть, у них получится все преодолеть. Они сильные – гораздо сильнее нас, даже сейчас. А когда они вырастут, они закончат наше дело и... – Бернар закашлялся не в силах больше сказать ни слова.

– Сейчас, подожди, – сказала ему Василиса, поднося ко рту флягу с водой. – Попей, – но фляга оказалась пуста, не было воды даже смочить губы.

– Сергей, принеси воды, – попросила Василиса, рядом сидящего бойца. Но ответа не последовало. Боец сидел неподвижно, опрокинув голову на грудь.

Василиса протянула руку и коснулась его шеи – пульса не было. Оглянувшись по сторонам, она увидела, что вокруг не осталось никого в сознании, а может быть уже и в живых.

Нашарив рукой флягу с водой у погибшего бойца, Василиса смочила губы мужу. Но он не реагировал. Она сбрызнула ему лицо водой, но реакции также не было. Превозмогая свои страхи, она нерешительно коснулась сонной артерии – пульс был очень редким, а паузы с каждым разом все больше и больше. Ее надежда и опора, ее лидер, любовь всей жизни умирал, лежа на ее коленях. Она склонилась и коснулась его губ своими. Сердце билось все медленнее и медленнее, пока не прекратило свой ход, навсегда остановившись.

Не чуя больше содрогание кровеносной жилки под своими пальцами, Василиса горько расплакалась. И не было рядом никого и ничего, что могло бы помочь ее горю. Вокруг простиралась только мертвая тишина. Бойцы, вышедшие на последнюю битву, покидали ее. Они умирали, но не сдавались. Никто не жалел о содеянном. Жалеть можно было только о том, что мало врагов прихватили с собой на тот свет. Только злость и решительность сопровождала людей в последний путь. Страху не осталось места. И даже слезы являлись символом их упорства и смелости. Они шли в бой, зная, что не смогут выжить в нем. Глупцы – скажете вы, нет – они герои. И когда слезы непослушно катились по щекам, оставалась вера – все будет хорошо. Враг уже побежден, только он об этом еще не знает. Он уже побежден, потому что люди не сдались. А если мы не сдались, то и проиграть мы не можем.

Понять текут слезы еще или уже нет, было невозможно. Тело отказывалось слушаться, мутная пелена застилала глаза. Вокруг лежали погибшие товарищи, стояло их последнее укрепление. Но все это тонуло под наступающими волнами забвения. Мир изменял и терял свои очертания. Вот даже мерещится, как будто кто-то идет к ней. Нет не враг, кто-то маленький – кажется это ребенок. Но сил открыть глаза нет – они смыкаются под тяжестью суровой жизни, и тьма принимает в свои объятия – под свое теплое, уютное покрывало...

Глава 1. Сестры

– Сестра, мне страшно. Что со мной будет? Я умру, также, как и Сара? – Ангелина плакала, лежа на коленях Марии. Она была самой младшей сестрой. По старому календарю родителей ей совсем недавно исполнилось девять лет.

Хозяева не любили, когда сестры упоминали про свой календарь и дни рождения. Каждый раз, как замечали их упоминание, они наказывали виновных. Но Старшая, несмотря на все наказания, вела строгий отчет возраста каждой сестры. Именно благодаря ей все оставшиеся в живых двести тринадцать сестер знали, когда у них дни рождения и сколько им лет. Также Старшая заставляла всех помнить свои детские имена и имена своих родителей. Вот только сама она своего детского имени уже не помнила. На ней на первой попробовали сыворотку тумана, которая частично уничтожала память. Память, за которую держались сестры. Память, которая лежала в основе их сопротивления. Только память не давала им стать жалкими марионетками в руках хозяев. Хозяев, которые были их врагами. Хозяев, которые истребили их родителей и братьев.

Сыворотка тумана заставила Старшую забыть свое детское имя. Но она взяла себе новое. Она была самой старшей из сестер, и теперь все ее звали просто – Старшая. Новое имя также позволило сопротивляться и сохранило так необходимую память. Сыворотка не сработала, как того хотели хозяева, и Старшая так и осталась, единственной сестрой на ком ее применили.

Несмотря на то, что она забыла свое имя, она отлично помнила своих родителей, и все то, чему они ее учили. Она прекрасно помнила, что хозяева – враги. А кроме хозяев есть еще грозный враг, который заставил всю ее расу покинуть свой дом. Враги сильны, а союзников почти не осталось. Полагаться не на кого. Остается надеяться только на себя.

Но враг не всемогущ. Его можно сломить, обмануть, победить. Родители почти доказали это своим примером, когда подняли восстание.

Им было нечего терять, они умирали. Их тела были слабы и не могли перенести опыты хозяев. Но они не сдались. Не стали тихо дожидаться смерти. Они восстали. Восстали ради будущего своих детей. И у них почти получилось.

Они убили трех хозяев и захватили пункт управления станцией. Целых два часа люди были свободны. И только два часа смогли прожить без препаратов-блокаторов, годами поддерживающих в них жизнь. Хозяевам даже не пришлось отбивать захваченные помещения. Его просто не кому было оборонять. Через два часа от сильной повстанческой армии остались только мертвые, усохшие тела. Никто не выжил. Родители умирали в жутких муках.

Но у них почти получилось.

Правда после этого хозяева сделали выводы и усилили меры безопасности. В частности, чтобы обезопасить себя, они уничтожили всех братьев. Всех до одного.

Результаты экспериментов, проводимых на мальчиках, были значительно хуже, чем у девочек. При этом мальчики были значительно агрессивнее. Поэтому хозяева решили прекратить их дальнейшее исследование. Лабораторный материал стал не нужен и был утилизирован.

Так, практически в один день, сестры потеряли своих родителей и братьев. Своих единственных союзников. Тех, кого они любили больше всего. Тех, на кого они надеялись. Именно тогда и пришло осознание, что они одни. И надеяться могут только на себя.

- Не плачь, малышка, - успокаивала сестру Мария. - Старшая говорит, что мы должны быть сильными и не должны сдаваться. У тебя синдром только второй день, а Сару забрали после двух месяцев. Ты справишься.

- Ну как она? - раздался в комнате новый голос.

- Старшая, помоги мне, - сразу бросилась Ангелина к вошедшей сестре. - Мне страшно. Я плохо вижу, и голова сильно болит. Что со мной будет?

- Все будет хорошо, малышка, - принялась успокаивать ее Старшая. - Все будет хорошо. Мы не дадим тебя в обиду. Хозяева тебя не получат. Я знаю, ты сильная. Ты обязательно справишься.

- И умру? - со слезами на глазах спросила Ангелина. - Как Сара?

- Возможно, - не стала скрывать правду Старшая. - Возможно. Но смерть - это не страшно. Это как сон. Сладкий сон. Больше не надо будет бороться и терпеть. Ты сможешь отдыхать.

- Но я не хочу спать. Я хочу сражаться, - упрямо заявила Ангелина, отстраняясь от сестер. - Я хочу победить.

- Я знаю, малышка, - улыбаясь, ответила Старшая. - Мы все хотим. Именно поэтому я и верю, что мы победим. А твой боевой настрой меня радует еще больше. Потому что именно ты будешь орудием нашей победы.

- Я? - переспросила изумленно Ангелина.

- Да, ты! - подтвердила Старшая. - Но у нас совсем мало времени, а нам надо очень много сделать, поэтому плакать нам совсем некогда.

- Хорошо, - быстро успокоилась Ангелина, вытирая слезы. - Я не буду плакать.

- Вот и умничка. Вот и молодец, - похвалила ее Старшая. - А сейчас беги на шегрон, а то можешь опоздать, и хозяева начнут тебя искать. И ничего не бойся.

Ангелина быстро вскочила на ноги, и, даже ничего не сказав, пулей выбежала из комнаты. Ведь если хозяева ее не дождутся, то очень разозлятся.

- Ты все-таки решилась? - спросила сестру побелевшая Мария. Она, в общих чертах, давно знала о планах Старшей, но осознавать, что им предстоит реализоваться в ближайшие дни, было одновременно волнительно и страшно.

- Больше некуда тянуть, - серьезно ответила Старшая. - Хозяева перешли к заключительной части эксперимента. Если продолжим ждать, то в скором времени будем, в лучшем случае, все мертвы.

- Ты сказала Ангелине, что она будет орудием. Это, правда? - спросила Мария.

- Да! - коротко ответила Старшая.

- И ты думаешь, она справится? - все еще сомневалась Мария.

- С этим, - Старшая достала кулон в виде маленькой коробочки, висящий на шее, - она обязательно справится. А мы все ее поддержим.

- Но... - не унималась Мария.

- Хватит разговоров, - резко прервала ее Старшая. - Оповести сестер. С завтрашнего дня начинаем подготовку.

Мария кивнула и вышла из комнаты. А Старшая подняла кулон и открыла коробочку. Внутри лежал маленький алый кристалл в форме капли.

- Вы все погибли не зря, - сказала она вслух. - И я это докажу.

Закрыв коробочку, Старшая спрятала кулон на шее под нижним слоем сэкхэты и заторопилась на свои занятия, ей еще нужно было зайти в лабораторию и сдать кровь.

Успев заскочить в класс и сесть на свое место прямо перед самым началом занятия, Старшая расслабленно выдохнула. Хоть хозяева и были врагами, но злить их по пустякам не стоило, а опоздание на занятие хоть одного участника их бы, безусловно, разозлило.

Опоздавшему, и не только на занятия, в лучшем случае, грозил двойной наряд в теплицы. А в худшем - пара дней карцера, в холодной, темной камере размером метр на метр без стульев, кровати, еды и воды.

Занятия с шегроном проводились отдельно для двух возрастных групп. Старшая, естественно, входила в первую из них, в которой кроме нее училось еще сто двадцать шесть сестер. Разделение по возрасту было весьма условным, и было связано лишь со способом зачатия и появления детей на свет. Все сестры первой группы были зачаты еще до захвата родителей в плен, а вот родились уже на лабораторной станции хозяев. Во второй же группе все сестры были зачаты и родились под присмотром хозяев, поэтому ровесников там было гораздо меньше. В первой группе всем девочкам было по тринадцать-четырнадцать лет. Во вторую входили все остальные сестры, более младшего возраста. Самым

маленьким из них недавно исполнилось девять лет. Но их было очень мало. После пяти лет участия в экспериментах, измученные родители больше не могли иметь детей, поэтому сестер младше девятилетнего возраста не было.

Сегодня на занятиях группа Старшей должна была изучать историю создания цивилизаций, начиная от зарождения вселенной. И, несмотря на использование современных технологий хозяев – шегронов, благодаря которым нужная информация, увиденная один раз, сама закреплялась в коре головного мозга, этот процесс был очень длительным и весьма скучным. Ведь история вселенной насчитывала уже несколько миллиардов лет. Так, за десять лет изучения, сестры дошли только до начала времен Равновесия, когда Империя вульфондов окрепла настолько, что перестала отступать, закрепила свои границы и начала противостоять снергам. С тех пор обе сверхрасы развивают свои владения только за счет неосвоенных просторов космоса. Потеснить своего врага даже на одну звездную систему не удалось ни у кого.

С помощью занятий на шегроне сестры также изучали и другие науки. В основном они все были гуманитарного направления: способы общения, этикет, законы, нормы, правила, традиции разных рас, разных слоев общества, разных мероприятий и мест. Техническим наукам тоже выделялось много времени. Их изучали в объеме, необходимом для управления, ремонта и взлома основных технических средств и систем безопасности обеих сверхрас. Такой подход в выборе изучаемой информации был весьма оправдан исходя из того, в кого хозяева пытались превратить сестер.

Также занятия на шегроне иногда заменял кто-нибудь из хозяев. Но такое случалось крайне редко. Хозяева обычно были ленивы и избегали таких мероприятий. Хотя сегодняшней день оказался исключением.

В спешке залетев в класс и заняв свое место, Старшая не сразу заметила, что шегроны отключены, а в центре класса стоит хозяин. Почти в два раза выше любой сестры, он казался очень высоким и худым. У него была большая, непропорциональная телу, голова. А худое туловище закрывала лабораторная мантия, которая переливалась желтым и коричневым цветом.

Родители называли этих существ вульфондами, но постепенно это название искоренилось, и теперь все сестры их называли – хозяевами.

Хозяева, после смерти родителей, сами поспособствовали тому, чтобы их так называли. Они считали, что человек, постоянно называющий кого-нибудь хозяином, быстрее станет рабом. Возможно, это и сработало бы с родителями, но у маленьких детей просто поменялись приоритеты у слов. Теперь слово «хозяин» значило для них только одно – это представитель врага, держащий их в плену, а не тот, кому надо безоговорочно подчиняться.

Хозяин стоял в центре класса и терпеливо дожидался начала урока. Когда все сестры затихли, он начал лекцию.

Он говорил на универсальном языке, посылая свои слова напрямую в органы восприятия речи. Этот язык потому и назывался универсальным, что был пригоден для общения с любой расой. Обмен информацией на нем осуществлялся не за счет восприятия звуков и не за счет других органов чувств, а за счет передачи мысленных образов. Этот язык мог понять представитель любой расы, потому что посылаемая речь воспринималась слушателем на своем родном или другом, более привычном языке. Несмотря на все удобства, были в нем и недостатки. Например, на нем очень сложно общаться, если в языке слушателя просто отсутствуют необходимые слова, а так бывает очень часто.

Между собой сестры почти всегда общались на языке родителей, но при этом, знали множество других языков, в том числе официальный язык Империи. Хозяин прекрасно был об этом осведомлен, но почему-то, решил общаться на универсальном языке. Они часто так делали, стараясь не акцентировать схожесть своей расы с человеком. Ведь не вникая в глубины истории и фонетики, язык Империи можно было бы легко спутать с каким-то малоизвестным, давно забытым, но человеческим языком. Вульфонды, так же, как и люди общались с помощью передачи звуков, лишь изредка подкрепляя их передачей мысленных образов для более яркой эмоциональной окраски послания. И вообще, еще давно родители говорили, что хозяева очень похожи на людей – они так же радуются, так же боятся, так же грустят – несмотря на свое многовековое развитие, их набор характеров очень недалеко ушел от человеческих. И вот этого факта, вульфонды не хотели признавать ни при каких условиях, считая людей дикарями с примитивным мышлением, а себя высшей расой. Эту свою черту они демонстрировали постоянно.

– Сегодня, – начал хозяин, – я проведу с вами урок искусства. Так сказать, вступительное занятие в новую для вас тему. Дальше вы будете самостоятельно изучать все предметы искусства на шегроне.

– Искусство, – продолжал хозяин, – это один из способов выражения нематериального внутреннего мира разумного создания в материальный образ. Оно присуще всем разумным расам и является одним из показателей развитости цивилизации. Некоторые расы думают, что искусство должно выражать только прекрасные восхитительные образы и нести положительные эмоции – любовь, страсть, приятная грусть. У некоторых рас все наоборот и искусство несет только страх, боль, отчаяние. Но в достаточно развитых цивилизациях искусство охватывает весь спектр образов.

– Деятели искусства высшего уровня способны испытывать и переносить в материальный мир ярчайшие образы, восприятие которых другими, в некоторых случаях может даже лишить рассудка. Такие случаи были в истории вселенной неоднократно. Но, к сожалению, не все могут воспринимать образы, заложенные в предмет искусства. И чем чище и ярче, чем приближеннее к идеалу творение, тем сложнее его понять и тем сложнее его воспринять.

– Вам, по роду вашей деятельности, будет необходимо, хотя бы поверхностно, разбираться в искусстве, чтобы соответствовать тем слоям общества, в которых вы будете работать. Именно поэтому с сегодняшнего дня вы начнете его изучать, и будете этим заниматься до окончания вашего преобразования. Вопросы есть?

В дальнем конце класса сестра по имени Елена подняла руку.

– Да, особь, – обратился к ней хозяин, – я слушаю тебя.

Хозяева не пользовались именами и всех называли одинаково.

– А мы уже сталкивались когда-нибудь с этим самым... искусством? Воспринимали образы? – неуверенно спросила Елена, встав из-за стола.

– Я думаю, что нет, – ответил хозяин. – Вы имеете слишком ограниченные способности. Именно поэтому мы и проводим для вас этот курс, чтобы вы просто ориентировались в этом вопросе. Если бы вы могли сами разбираться в искусстве, мы бы вас не учили.

Елена села на место, а в противоположном конце класса руку подняла другая сестра, которую звали Власа. Она, не дождавшись разрешения, сразу спросила:

– А вот я говорю и тем самым облакаю свои нематериальные мысли в материальные слова. Я создаю искусство?

Хозяин насупился. Было заметно, что общение с сестрами его раздражает. Оно и понятно, для него это почти одно и то же, как если бы во времена молодости родителей, их бы заставили что-то объяснять обезьянам.

– Я так и знал, – вспыхнул хозяин. – Я знал, что это бесполезная затея. Я говорил совету, что мы не сможем обучить вас до достаточного уровня даже с учетом полного преобразования. Но мне не верили. А теперь я вынужден заниматься полной ерундой, – все это он говорил уже на своем родном языке, но сестры его прекрасно понимали.

После этого никто больше не осмелился задавать вопросов. Хозяин, бурча слова ругани, покинул класс, а у шегрона засветились передатчики, давая понять, что ими можно пользоваться. Все сестры поднесли передатчики к голове и погрузились в сон, пропуская через себя бесконечные потоки информации.

Через несколько часов занятие было окончено. Сестры встали и молча направились к выходу. Несмотря на получение большого объема новой и довольно интересной информации, они никогда не общались друг с другом сразу после шегрона и никогда не обсуждали то, о чем только что узнали. Это была некая традиция, своего рода протест против насильственного обучения. Таким образом, сестры показывали – им неинтересно то, чему их учат хозяева.

Хотя, конечно, им было интересно. Но обсуждали они все это во время трудовых отработок, которые всегда были сразу после шегрона. Вот и сейчас все сестры направились в раздевалку, где, сняв свою повседневную сэкхэту, переоделись в рабочие костюмы.

Основная часть трудовой отработки проходила на тепличных фермах. На них выращивалось огромное количество съедобных растений и корней, а также сырье для производства сложных компонентов и материалов, используемых в промышленности. Для выращивания такого огромного разнообразия к тому же требовались абсолютно различные климатические условия, поэтому теплиц было

очень много. И если в некоторых условия отличались практически незаметно, то в других они отличались разительно. Например, часть сестер, сегодня должна была работать в секторе Е, где максимальная температура составляла плюс триста девяносто шесть градусов по Цельсию, а другая часть в секторе Н, где минимальная температура достигала минус двести восемьдесят семь градусов. Причем в основном, сестры работали без дополнительных средств защиты. Герметичные скафандры использовались только при работе в сверхэкстремальных условиях и агрессивной среде.

Частенько сестрам даже не верилось в старые рассказы родителей о том, что раньше люди могли выживать в гораздо меньшем температурном диапазоне. Но хозяевам нужны были эффективные боевые единицы, поэтому превращение сделало тела сестер гораздо устойчивее к внешней среде. И это были далеко не все последствия превращения.

Переодевшись в рабочие костюмы, сестры, с помощью лифта, поднялись в нужный им сектор фермерской зоны и стали разбиваться по участкам.

– Светлана, – обратилась Старшая к одной из сестер, – разбей нас так, чтобы со мной в одной группе были Люцина, Жозе, Мария и Ангелина и направь нас в сектор Е-6.

– Хорошо, – кивнула Светлана и направилась разбивать сестер по группам, отдавая каждой задание на сегодня.

Сектор Е-6 был выбран не случайно. В нем искусственно моделировались электромагнитные вихри и очень высокая влажность, из-за которой постоянно стоял плотный туман. В этом секторе сестры общались с помощью языка жестов и всегда были уверены в том, что хозяева не смогут их подслушать. Такие условия здесь создавались для выведения сортового гибридного растения Ашаратей, используемого в получении сверхпрочного текстиля, из которого в дальнейшем делали сэкхэты сестер.

Сэкхэта – это специальный вид многослойной одежды, которую в Империи носят прислужники. Вот и все сестры были обязаны постоянно носить ее. Но не обычную, а изготовленную специально для них. Только для сестер сэкхэту делали из ашаратей, причем не простого, а выведенного особым образом. Благодаря этому сестры выглядели как обычные прислужники, но были

способны выполнять поставленные перед ними задачи и при этом не ходить постоянно голышом.

Сестры понимали, что в случае восстания и бегства ашаратей будет им необходим, поэтому пытались досконально изучить все тонкости процесса его выращивания и обработки. Но сегодня его использовали только для прикрытия.

- Сколько сестер посвящено в план? - спросила Старшая Люцину.

- Догадываются почти все, посвящено в подробности сорок две сестры. Уже начат сбор компонентов для семян ашаратеи, пищевых продуктов и прочих необходимых вещей. Оценивается возможность угнать звездный крейсер Длинного.

- Хорошо, - одобрила Старшая. - Ангелина, - обратилась она к младшей сестре, - как симптом? Ты его контролируешь?

- Да, - ответила Ангелина, - только из-за этого голова все время кружится и иногда зрение ухудшается. Но я справлюсь. Обещаю.

Ангелина всем своим видом пыталась выразить готовность.

- Хорошо, - сказала Старшая, - ты должна контролировать его как можно дольше. Тебе необходимо выиграть для нас больше времени на подготовку. Но если почувствуешь, что синдром берет верх, сразу сообщай. Мы не можем тебя потерять. Ты поняла?

- Да, - быстро ответила Ангелина.

- Молодец! - одобрила ее Старшая. - А теперь иди, поменяй наполнитель в фильтрах и вывези сухой мох.

Ангелина убежала исполнять поручения, а старшие сестры остались одни.

- Ты думаешь, у нее получится сдерживать синдром? - спросила Жозе.

– Думаю, что да, – ответила Старшая. – На младших все новые сыворотки действуют хуже. Если не она, то никто не сможет.

– А тоже так думаю, – подтвердила слова Старшей Мария. – Сара продержалась достаточно долго. Насколько я понимаю, с Ангелиной хозяева действуют теми же методами. Она должна продержаться еще больше. Думаю, дней девяносто у нас есть.

– Этого должно хватить, – сказала Люцина. – Может даже, быстрее соберем все нужное. Опыт у нас уже есть. Только с крейсером могут быть проблемы.

– Проблемы с крейсером почти не зависят от срока подготовки. Тут нам или повезет или нет, – сказала Старшая. – Хорошо, я все поняла. Продолжаем подготовку. А сейчас за работу. Жозе, Мария заполните оросители. Люцина пойдём со мной собирать спелые слои ашаратея.

Закончив в секторе Е-6, Старшая с остальными перешли в соседние сектора помогать другим сестрам. Трудовая повинность сегодня занимала все время от занятий на шегроне до принятия пищи, а работы было не много. Поэтому сестры, не спеша, удобряли землю, очищали фильтры, собирали плоды и обсуждали искусство. Как ни странно, но одна и та же информация, одним и тем же методом внедрения усваивалась по-разному. Потому что кому-то из сестер очень понравилась музыка, кому-то живопись, а кому-то экранизация и литература. Но абсолютно все были в восторге от этого самого искусства, несмотря на то, что хозяева были убеждены в том, что они не смогут его оценить по достоинству.

По окончанию времени трудовой повинности сестры переоделись обратно в сэкхэты и направились в столовую для ежедневного приема пищи.

Почти все ингредиенты ежедневного рациона выращивались в теплицах. Причем этот самый рацион не удивлял разнообразием. Каждый день сестры ели практически одну и ту же пищу. А именно – безвкусную кашу с необходимыми минералами, химическими элементами и витаминами. Каждый день, одно и то же. Причем, некоторые отваживались на решительные действия и пробовали на вкус тепличные фрукты, которые входили в состав каши. И находили их невероятно вкусными. Но хозяева, похоже, специально, делали еду так, что она была безвкусной. А сестер, пробующих тепличные фрукты, быстро вычисляли по результатам анализов крови и слюны. Несколько дней карцера навсегда

отбивало у них желание кушать необработанные фрукты.

Вот и сегодня на столах стояла все та же каша. И, несмотря на то, что прием пищи был только один раз в день, никто из сестер никогда не испытывал голод, достаточный для того, чтобы съесть всю порцию с удовольствием. Но хозяева тщательно следили, чтобы все съедалось до капли. Причем, несмотря на однообразие рациона, каждой сестре предназначалось свое индивидуальное блюдо. На вкус они были все похожи, а вот объем и состав входящих туда элементов был разный.

– Полина, – строго сказала Старшая, усаживаясь за стол, – сегодня ты меняешься половиной рациона с Ангелиной.

– Хорошо, Старшая, – ответила Полина и, съев половину своей порции, отдала остальное младшей сестре.

– Ты уверена, что это собьет с толку хозяев? – спросила Старшая рядом сидящую Марию.

– Однозначно, – уверенно ответила Мария. – В ее рационе присутствуют вещества, необходимые для особого превращения. Изменение состава этих веществ приведет к...

Мария прервала свою речь, потому что к столу подошла и села с краю еще одна младшая сестра по имени Лариса.

– Ларисонька, деточка, – обратилась к ней Старшая улыбаясь, – пересядь за другой стол, тут взрослым поговорить надо.

– Но тут же сидит Ангелина, – попыталась возразить Лариса. Ангелина была младше ее, поэтому ей было по-детски обидно, что ее не пускали туда, куда пустили младшую сестру.

– Ларисонька, деточка, – снова обратилась к ней Старшая уже строже, – будь хорошей девочкой.

Тут Лариса уже не могла послушаться, потому что прекрасно знала, что в третий раз ее уже не будут просить вежливо. Взяв свой поднос, она встала и пересела за другой стол.

- Так вот, - продолжила Мария, после того как Лариса ушла. - Изменение состава этих веществ приведет к сбою программы. Они будут думать, что организм Ангелины реагирует неправильно и введут неправильные корректировки. Это должно выиграть нам немного времени.

- А они не догадаются? - спросила ее Старшая. - Анализ Полины не может вскрыть нашу хитрость.

- Вероятность, конечно, есть, - уже не так уверенно ответила Мария, - но Полина сейчас не участвует в особых превращениях. Контроль над ней понижен. Думаю, не должны заметить.

- Будем надеяться, - ответила Старшая. - А ты чего загрустила? - обратилась она к Ангелине. - Напугалась?

- Нет, - грустно ответила Ангелина. - Мне Ларису жалко. Она, наверное, обиделась. Я бы обиделась. Почему мы не можем ей все рассказать?

- Расскажем, когда придет время, - строго сказала Старшая. - Сейчас еще рано. Доедай быстро и иди, поиграй с ней в комнате отдыха. Скажи, что мы заставляли тебя закрывать уши. Иди.

Ангелина, а вслед за ней и другие сестры, поднялись со стульев и направились в комнату отдыха провести свой законный час безделья.

Комната отдыха представляла собой большое помещение с высоким потолком, в котором были размещены стеллажи с игрушками и спортивным инвентарем. Раньше самым популярным был стеллаж кукол и мягких игрушек, но уже больше года он пылился без внимания. Даже самые младшие, хоть и мечтали в них поиграть, но стеснялись перед старшими и показательно игнорировали все детские игрушки, давая понять, что они тоже взрослые. Вот и приходилось самым маленьким садиться в кружок рядом с заветным стеллажом, и катать друг другу мячик, изредка поглядывая на любимых кукол. Иногда кто-нибудь не выдерживал и, подойдя ненароком к куклам, брал какую-нибудь одну и гладил.

Тогда сразу сбегалась вся остальная малышня. Но одной шуточки любой старшей сестры было достаточно, для того чтобы посадить на место любимую игрушку и, делая вид, что она абсолютно не интересна, продолжить заниматься чем-то другим. Малыши очень скучали по тем временам, когда все сестры брали кукол, садились в небольшие кружочки и играли друг с другом. Старшие сестры выросли, и младшим пришлось подтягиваться к ним.

Но было, конечно, и то, что любили все, от самых маленьких до самых взрослых. И больше всего все любили играть в перемещалки. У них даже были турниры и соревнования по этой игре.

К сожалению, играть в них допускалось только во время тренировочных дней. Поэтому сегодня все ходили в предвкушении завтрашнего дня, потому что именно завтра будет финал главного турнира года.

Все разбились по своим группам. Участницы завтрашнего турнира разрабатывали стратегию и тактику игры, а остальные обсуждали шансы на победу финалистов и готовили атрибуты болельщиков. Старшая же была бессменным главным судьей и организатором всех игр.

Турниров было несколько. Но один раз в год проходил главный турнир в честь погибших братьев. Именно они придумали правила и научили сестер играть в эту игру – уже очень и очень давно. Конечно, за годы, после смерти родителей и братьев, правила немного подкорректировались, и в настоящий момент это было полноценное спортивное состязание, а не детская забава, придуманная маленькими мальчиками, но вся основная ее суть осталась неизменной.

Уже два года подряд победителем главного турнира была команда «Сорванцы», а ей на пятки все время наступала команда «Красотки». И в этом году в финал главного турнира снова вышли обе эти команды. И они обе всерьез рассчитывали на победу и усиленно к ней готовились.

Равнодушных к этой игре сестер не было. Все, так или иначе, участвовали. Кто-то готовился к игре, кто-то болел за своих фаворитов, а кто-то даже заключал пари.

– Спорим, что завтра победят Красотки, – кричала одна из сестер.

- Да ты что, - отвечала ей другая, - они же не в форме. Ты что не видела, как они играли с Прыгунами. С огромным трудом только вырвали себе победу. А вот Сорванцы их разделали подчистую.

- Да ничего ты не понимаешь, - вторила свое первая. - Спорим... или боишься?

- А спорим, - отвечала вторая, - Проигравшая тридцать дней полощет сэкхэту победительницы и уступает свою очередь в паровой душ. Согласна?

- А согласна, - принимала вызов первая, пожимая руку сопернице.

- Старшая, разбей нас, - крикнула вторая сестра.

- Ох, вы и спорщицы, девчонки, - весело смеялась Старшая, фиксируя пари. Даже ей передалось всеобщее веселье перед завтрашним днем.

И только она разбила руки, как прозвучал сигнал окончания отдыха.

Дальше, для соблюдения личной гигиены, все должны были провести санитарную обработку своего тела с помощью парового душа и очистителя ротовой полости. После чего нужно было обязательно пройти вечерний медосмотр со сдачей анализов. На все это выделялся один час, после которого начинался отбой и везде гасился свет. Покидать свое спальное место после отбоя, было строго запрещено.

Перед сном Старшая всегда обходила всех сестер. Это было несложно и недолго. Все двести тринадцать сестер спали в одном помещении на четырёхъярусных узких кроватях.

- Чему радуешься? - спросила Старшая Ангелину, которая, лежа в своей кроватке, улыбалась от уха до уха.

- Завтра такой радостный день. Сначала тренировки - в этот раз у меня обязательно должна получиться комбинация. А вечером. А вечером. Уууу. А вечером финал по перемещалкам. Ураа! Не могу дождаться!

– Ты права, завтра важный день, поэтому тебе надо как можно лучше выспаться. Спи.

Как только Старшая отошла от Ангелины к ней сразу подошла Люцина.

– Она еще совсем маленькая, – сказала она. – Как ребенок радуется мелочам и совсем забыла про нависшую над ней угрозу.

– Ну, так не будем нагнетать и запугивать ее, – ответила Старшая. – Пусть будет все, как есть. Нам это только на руку. Я лишний раз убеждаюсь в правильности своего выбора.

– Наверное, ты права, – сказала Люцина и направилась к своей кровати.

– Я очень надеюсь, что я права, – сказала тихо, сама себе Старшая, улеглась на свою кровать и накрылась одеялом. Свет тут же погас. – А завтра и вправду сложный день, – успела подумать она, перед тем как погрузится в сон.

Глава 2. Плен

– Похоже, они смирились с тем, что мы больше не можем заводить детей. Даже искусственное оплодотворение не помогает, – казалось бы, ужасная для женщины новость окрыляла и радовала Василису. Наконец-то прекратятся все эти жуткие опыты. Что только их пленители не перепробовали – вплоть до принудительного обмена партнерами и создания искусственной матки – все было без толку. Пленные люди больше не могли иметь детей.

Уже седьмой год вульфонды держали их в плену вместе с детьми. Почему-то рожденные дети на момент захвата корабля в плен им были не интересны и их отправили вместе с остальными взрослыми куда-то в другое место. А вот всех тех женщин, у кого на момент пленения уже был зачат ребенок, вместе с мужьями, выделили в отдельную группу и отправили в эту самую лабораторию.

Василиса как сейчас помнила тот день – после скачка из Солнечной системы они два года блуждали по просторам космоса, безрезультатно пытаясь найти себе

новое жилье или установить связь с другими кораблями Исхода. Но однажды их заметил космический линкор вульфондов. Все готовились к абордажу и сопротивлению, но военных на корабле почти не было, и организовать хоть что-то стоящее не получилось. Сто восемь тысяч человек оказались захвачены в плен менее чем за два часа. А потом начался отбор.

Было очень страшно – когда, проходящий мимо строя пленных людей, вульфонд тыкал в твою сторону каким-то прибором и его подручные тут же выдергивали тебя из общей толпы, всех сил и выдержки не хватало, чтобы не потерять сознание от страха. Поначалу даже никто не понимал, по какому принципу они выбирают – в первую очередь им попадались женщины на раннем сроке беременности, некоторые даже еще сами не знали, что в положении. А вот когда из толпы начали выдергивать всех подряд с большими круглыми животами, стало понятно кто им нужен. Найдя подходящих женщин, они безошибочно определяли и выдергивали из толпы отцов зачатых детей – когда рядом с ней поставили такого же испуганного Бернара, стало легче, но ненадолго. Хуже всего было тем, кто уже имел детей – их разлучали навсегда, не спрашивая и не поясняя причин.

Василиса была тогда уже на последнем месяце беременности и родила всего через четыре дня после попадания в плен. Рожала сама, никто не помогал, к тому моменту они даже еще не прибыли на космическую станцию, в которой сейчас и располагалась лаборатория по их исследованию. Это уже потом, после прибытия в свой новый «дом», все остальные рожали с помощью вульфондов и получали детей только через несколько часов после родов. Василиса же сразу получила свою малышку, свою маленькую доченьку.

– Думаю, что так, – кивнула в ответ, стоящая рядом девушка с годовалым ребенком на руках. – Ангелина последняя кого получилось зачать. После нее ни у кого не получалось. И это только к лучшему, наконец-то закончится весь этот ужас.

– Боюсь, что закончившись, он вызовет что-то другое, какой-то иной ужас, – вмешался в их разговор Бернар. – Боюсь, все, что с нами до этого делали лишь подготовка к какому-то жуткому эксперименту. Они пытались заготовить как можно больше материала, а теперь, когда конвейер по производству сломался, начнут обработку.

– Да что еще они могут с нами сделать? – возмущенно вопрошала девушка с ребенком. – Для чего мы им вообще понадобились?

– Судя по всему, мы им хоть и интересны, но не очень. Их больше интересуют наши дети. Несмотря на то, что мы проходим примерно одинаковый курс преобразования, дети гораздо лучше поддаются изменению и способны переносить более интенсивное воздействие. Уже сейчас средняя доза двухлетнего ребенка превышает мою в три раза, чего уже говорить о четырех-пяти летних детях. Похоже, что мы, взрослые, для них какой-то второстепенный, побочный продукт, а основные исследования проводятся над нашими детьми. Вы заметили, как быстро усиливаются их физические показатели? Вчера пятилетний сын Егора, играючи, сделал жим лежа в пятьдесят килограмм. Их во что-то превращают, но вот во что?...

– Пап, мам, смотрите, какой мы с мальчишками дом построили, – прервала их разговор белокурая девочка пяти лет, держащая за руку полуторагодовалого малыша.

– Вот молодцы, – нагнулась к ним Василиса и посмотрела в сторону игровой зоны. Там несколько десятков мальчишек и девчонок в возрасте от года до пяти, с помощью других взрослых и подручных материалов, строили игрушечный замок. – Иди ты тоже помогай, только за братом присматривай и Ангелину с собой возьми.

– Ну почему я? – возмущалась девочка. – Мне приходится с ними возиться, и я не могу принимать участие в игре. Почему я вечно со всеми вожусь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zhidkov_aleksey/voyna-za-mir

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)